

Литературный А.В.
Если мы в чем-то и преуспели в последние годы, так это в каком-то ослепительном самоотречении и самобичевании. Однобокий глянцевый образ революционеров, написанный в духе сталинского «Краткого курса», заменяется таким же однобоким низвержением их с исторической арены.

Работа в трибуна, 1930, 22 дек.

— Ирина Анатолевна! Анатолий Васильевич — все-таки одаренный человек, он философ и политик, пропагандист и оратор, публицист и критик, драматург и поэт, дипломат. Но мне бы хотелось наш разговор о нем вести как о первом нарком просвещения, человеке, который двенадцать лет руководил развитием образования и культуры в нашей стране. В связи с этим первый вопрос — о художнике у власти. Мешало или способствовало работе такое сочетание?

Художник и власть

— Это и помогало, и было для Анатолия Васильевича источником многих драматических коллизий. В выборе линии культурной политики, во взаимоотношениях с творческой интеллигенцией очень важна не только компетентность, но и знание специфики творческого процесса, так сказать, изнутри. Будучи художником, Анатолий Васильевич просто не мог принять методов грубого администрирования в работе с творцами.

В том, что 20-е годы стали временем расцвета советского искусства и его признания Европой и Америкой, безусловно, есть и определенная заслуга наркома просвещения. В этот период не только продолжалось развитие искусства, возникшее в начале века, но складывались уже и некоторые послеоктябрьские традиции: театры рабочей молодежи, «синие блузы», массовые народные представления, поставленные крупнейшими режиссерами, концерты из произведений Мопса и Бетховена для революционных солдат и матросов, перед началом которых часто выступал сам нарком, монументальная пропаганда в Петербурге и в Москве и многое другое.

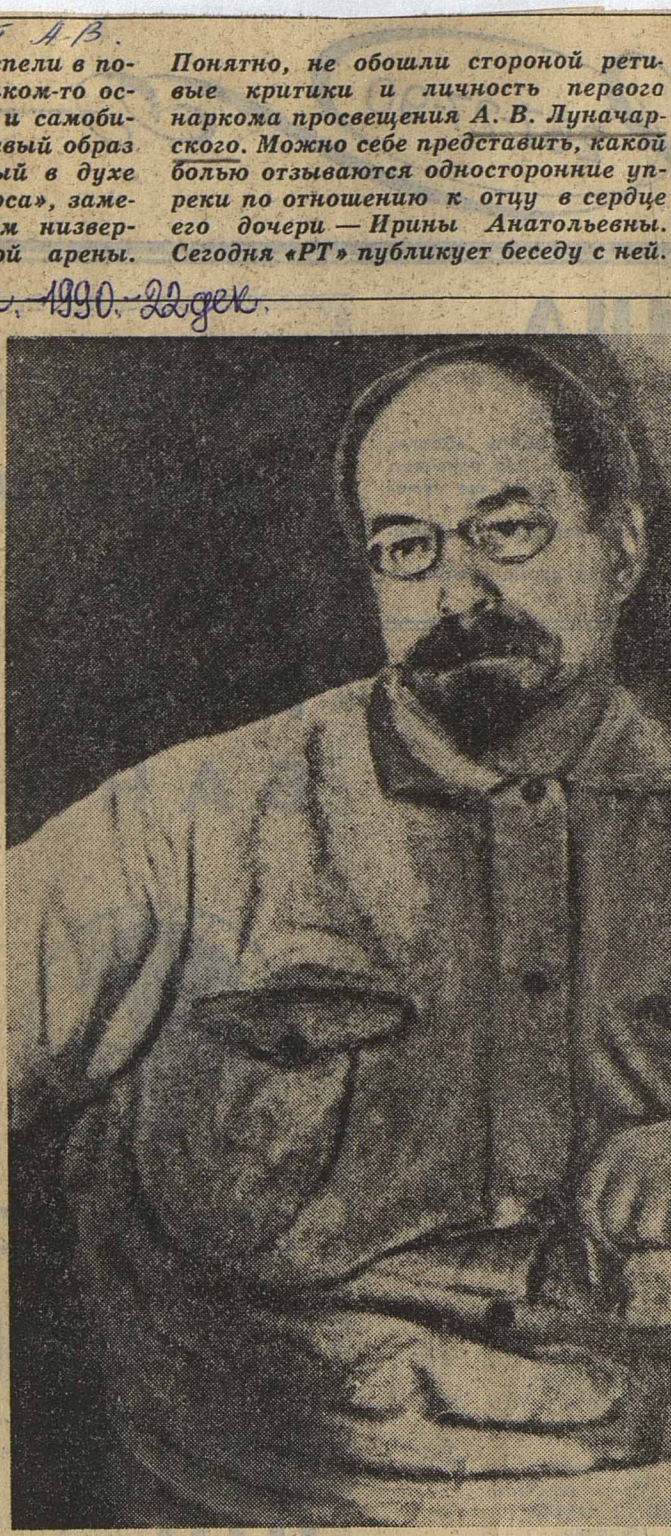
Создавались студии, где учили петь, танцевать, декламировать, писать, красками, играть на музыкальных инструментах. Особый колорит 20-м годам придавали бесчисленные диспуты, обсуждения проблем старого и нового искусства, эстетики и этики, религии. Это было время расцвета театров Мейерхольда, Корна, Камерного. Не говоря уже о том, что по инициативе Анатолия Васильевича было создано огромное количество новых театров; возникли театр оперетты, еврейский, пыжский, детский. При непосредственном участии Луначарского создавались театры Немирова-Чадченко, Станиславского, Оперы и балета. Нарком поощрял произведения искусства самых разных художественных направлений и утверждал, что «никакая кокарда не должна позволить чиновнику, сидящему в партере, высказать свой запрет».

— Известно, что по целому ряду вопросов культурной политики Анатолий Васильевич расходился с Лениным...

— Эти расхождения имели тактический характер и объясняются, на мой взгляд, тем, что Владимир Ильич был прежде всего политиком, а не художником, и все подчинял достижениям политическим целям, в том числе и художественную культуру. Кроме того, он не считал себя большим знатоком искусства и не стеснялся, говорил об этом. Что же касается Анатолия Васильевича, то это прежде всего человек, безгранично преданный искусству, его восторженный ценитель. Отсюда то бережное отношение к художественным ценностям, которое заставляло его защищать их всеми возможными средствами, вплоть до таких крайних мер, как выход из правительства.

Вот один из примеров. Луначарский обращается к Ленину с просьбой о выделении дотаций для разделения групп МХАТу. В письме есть фраза: «...если Вы, Владимир Ильич, не поможете, то Художественный театр нужно положить в гроб, где он и задохнется». Ленин же на это ответил телеграммой: «Все театры советуем положить в гроб».

Были расхождения и во взглядах Ленина и Луначарского на организационные взаимоотношения между Пролеткультом и Наркомпросом. Если Ленин выступал за подчинение Пролеткульту государству и партии, то Луначарский отстаивал его право на автономное существование. Об этом он говорил, выступая в 1920 году на Всероссийском съезде Пролеткульту, за что получил «разное». Луначарский не был приглашен на заседание Политбюро, в котором участвовали представители съезда Пролеткульту, был отлучен от подготовки письма «О Пролеткульту», был вынужден подчиняться линии Политбюро.

ИСТОРИЯ: ПРАВДА И МИФЫ

Компромат на Луначарского

По судьбам — в светлое будущее?

— Сегодня в общественном сознании утвердилась идея приоритета общечеловеческих ценностей. Можете ли вы что-либо сказать о взглядах А. В. Луначарского на эту проблему?

— Эта идея была основной во всей культурной политике наркома.

— Анатолий Васильевич был убежденным марксистом, абсолютно преданным основной марксистской идее — рабочий класс, освобождающий себя, освобождает все человечество. Во имя ее осуществления он восемь раз сидел в тюрьмах, дважды был сослан, дважды вынужден эмигрировать. «Я революционер ради огромного расцвета сильной, светлой и справедливой культуры», — записал Луначарский в своем дневнике в ноябре 1930 года. В этой фразе — его жизненное кредо.

Анатолий Васильевич понимал, что революцию нельзя совершить без насилия, но он был противником террора. В письме к жене, Анне Александровне, он писал: «В террористическом правительстве я участвовать не буду». Гражданскую войну он воспринимал как трагедию. Призывая неизбежность жертв, он никогда не относился к человеку лишь как к средству для достижения светлого будущего во имя грядущих поколений.

Уже к 1-й годовщине Октября литературно-художественный отдел Наркомпроса выпустил полное собрание сочинений Кольцова, Крылова, Некрасова, Жуковского, Чехова, Салтыкова-Шчурина, Чернышевского, Успенского, Ключевского, заканчивая печататься собраниями сочинений Л. Толстого, Гончарова, Гоголя, Достоевского, Некрасова.

Луначарский также участвовал в редактировании собрания сочинений западноевропейских классиков: Гете, Байрона, Гюго, Флобера, Золя, Мопса, Франса, Шопен, предисловия к этим изданиям и к книгам Ролана, Барбюса, Уэллса, Шоу, Цвейга, Кайзера, выступая с переводами ряда поэтов.

Анатолием Васильевичем написано около двух тысяч статей о литературе и искусстве. Он впервые пригласил в нашу страну американский джаз, японский театр Кабуки. Постоянно подерживал, что Союз Советских Республик живет не на каком-нибудь оторванном от

22.12.90.
снять до 2 месяцев. Для того чтобы махать киркой, этого «профессионального образования» оказалось вполне достаточно. «Нас не интересует, каким будет советский человек через 20 лет», — парировал Догдолов доводы Луначарского о необходимости широкого образования.

Много лет проживший в крупнейших центрах мирового — еще одно, третье письмо. Трижды обсуждался этот вопрос Политбюро и, вопреки мнению Межпарткома, было вынесено положительное решение по письмам Луначарского, который предлагал себя и Горького в качестве поручителей, что, выйдя, Блок вернется. Но решение, увы, опоздало.

Задуманная С. Есениным и Р. Ивневым в начале 1921 года поездка за границу оказалась возможной только благодаря поддержке Анатолия Васильевича, а по возвращении он помогает Есенину опубликовать не принимаемую к печати «Москву кабацкую». Р. Ивнев пишет в своих воспоминаниях: «И вот я снова у Анатолия Васильевича. Как он умел все понимать и чувствовать! К Есенину и ко мне он относился с трогательным вниманием». Кто же лучше самих поэтов может судить об отношении к ним Луначарского? Как чуткого, внимательного человека характеризуют Анатолия Васильевича Михаил Чехов, Марина Цветаева, а этих людей трудно заподозрить в неискренности.

Более того, отзывчивость Луначарского была столь явной, что для сдерживания этой чрезмерной, как казалось многим ответственным партийным и государственным работникам, доброты нарком ему был дан заместитель, имеющий право вето на все распоряжения, касающиеся материальных вопросов. Началась просто война между Луначарским и его заместителем Литкенсом, который вел себя как «комиссар» при народном комиссаре.

Луначарский обращался к Ленину с просьбой об отставке Литкенса, но этого не случилось. Тогда в Наркомпросе был создан неподконтрольный Литкенсу «Фонд молодых дарований», который в значительной мере пополнялся личными средствами наркома: за счет отчислений из его гонораров. Благодаря этому могли учиться Дмитрий Шостакович, Давид Ойстрах, Владимир Горовин, Вера Дулова, Лев Оборин.

Вой цивилизации, Луначарский вынул в себя достижения современной науки, искусства, и это помогло ему выработать широкое разно сторонний взгляд на вещи, который никак не был совместим с узкоклассовым, вулгаризаторским подходом к анализу явлений действительности. Когда, например, было принято решение уничтожить сокровища Московского Кремля, Чудов монастырь — памятник XIV века, обитель воспетого в «Борисе Годунове» летописца Пимена — и на том месте построить казармы военной школы им. ВЦИКа, Луначарский пишет резкое письмо-протест Сталину и Калинин. Он напоминает об ответственности за доставшееся пролетариату историческое наследие, за что постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) получил партийное взыскание: «Указать Луначарскому на некоммунистическое поведение», — выразившись, как видим, в неприятии вульгарно понятой классовой полемы.

Общечеловеческий подход проявлялся и в исключительном бережном, внимательном отношении к творчеству и личным нуждам творческой интеллигенции независимо от классовой принадлежности и проповедуемых взглядов.

Доброта противопоказана

— И тем не менее на страницах печати уже в наше время прозвучали упреки Луначарскому в равнодушии к Блоку, обвинении в бедах Есенина...

— Это идет от элементарной некомпетентности. Луначарский спорил с позицией Блока, отрицая всякую политику «как грязную Маркову дудку», он выступал, как ему казалось, против упаднических антиобщественных сторон творчества Есенина, но при этом категорически настаивал на издании полного собрания сочинений Блока, вопреки широким распристрастным настроениям, а в 1923 году доказывал, что председатель Главреперткома Н. П. Трайнин, что абсолютно невозможно запретить пьесу Блока «Роза и крест».

Когда Блок заболел, Луначарский обратился в Политбюро и к В. И. Ленину с просьбой разрешить поэту лечиться за границей. Но его письмо было направлено на отзыв председателю ВЧК В. Р. Межпарткому. Тот ответил, что Блоку нужно уехать, но и поместить в санаторий в России. Луначарский снова пишет Ленину и опять получает отказ. Поз-

нуждающихся в резком повышении зарплаты. Иначе они могут уехать из России. В 1924 году он собрался поехать за границу, чтобы принять меры к возвращению выехавшей интеллигенции на Родину.

В 54-м томе Собрания сочинений В. И. Ленина есть ленинское письмо к Ф. Дзержинскому, Уншлихту, Н. Горбуну, комментари к этим письмам, из которых видно, что был инициатором и исполнителем акции высылки. Об этом мне хотелось бы напомнить сейчас. В вину Луначарскому ставится публикация им сборника «Этюды», где идет полемика с Бердяевым, Булгаковым, Волжским, что якобы способствовало формированию соответствующего общественного мнения вокруг этих имен. Но это была не новая книга, написанная по запросам политической конъюнктуры, а всего лишь переиздание работ Луначарского 1903—1906 годов.

Трава забвения

— Были ли у Луначарского сомнения в правильности избранного пути развития общества?

— В правильности ленинского пути у Луначарского сомнений не было, хотя он страдал, думаю, так же, как и Ленин, видя, какой ценой завоевывается будущее. Но его мучили предчувствия непоправимых грядущих бед, когда в конце 20-х годов намечался резкий отход от ленинской линии и когда в знак несогласия с этой политикой он был вынужден подать в отставку с поста наркома.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом периоде жизни Анатолия Васильевича. С одной стороны, у него есть прямые высказывания о необходимости усиления классовой борьбы в культуре, что может дать повод заподозрить в нем про-

Даже люди, близкие по расе А. В. Луначарскому (Крупская, Литвинов), не нашли больших и значительных слов памяти покойного. Зачем я это пишу? Имя Луначарского — нам, интеллигентной молодежи, работающей в глухих углах нашей страны, — необычайно дорого. Любимо. Знал ли А. В. Луначарский, что на его доклад в Ленинградской филармонии приезжали мы из деревенской глуши за 130—140 верст... Приезжали за тем, чтобы где-нибудь за час прослушать 3—4 часа незабываемый доклад, чтобы потом уходить полным высоким мыслями и чувствами, полным глубоким волнением и благодарности к этому сверхчеловеку...

Знал ли Анатолий Васильевич, что мы — после этих докладов — всю ночь мерзли на униках Ленинграда в ожидании первого 8-часового утреннего поезда...

Для многих из нас «сверхчеловеческая» жизнь Анатолия Васильевича была идеалом, мы хотели и хотим жить так же многогранно, красочно... потому нам так дорога память покойного, так дорого каждое слово о нем, о его жизни, о его работе.

Тов. Горький! Вы создали незабываемые портреты — Толстого, Чехова, Короленко, Есенина, Ленина, Красина и других, т. Луначарского. Вы знали прекрасно, были, наверное, очень близки к нему с давних пор. Мы просили бы Вас, т. Горький — создайте большой и яркий, художественный портрет А. В. Луначарского. Только Вы это можете сделать... только Вы можете сказать о нем больше и теплее слово».

Но большой и яркий портрет Луначарского создан не был. Горький на его смерть не откликнулся вообще.

— Скажите ли как-то на вашей судьбе тот факт, что вы — дочь Луначарского?

— Нашей семье повезло: в 1936—1938 гг. нас не репрессировали, хотя все вокруг да мы сами были уверены, что этого не избежать. Когда родители моего будущего мужа узнали, с кем им предстоит породниться, они были в отчаянии. Выбор сына считали самоубийственным.

Из-за болезни я не смогла окончить школу. После раффа поступала на исторический факультет Московского университета, но меня не приняли. Высшая у ректора причина: мама — интеллигентка, а я — дочь Луначарского.

Внешне Сталин относился к Анатолию Васильевичу благосклонно. Не раз отклонялся на личные просьбы. Позволял лечиться за границей у лучших врачей. Не препятствовал участию в философских конгрессах — в Англии, Германии. Но Луначарский не ушел из Сталина как яркий, самостоятельный мыслитель, личность. Еще в 1925 году, когда Луначарский вел кипучую деятельность по созданию новой культуры, Сталин писал о нем как об одном из «бывших вождей большевиков, отошедших потом на второстепенные роли». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Луначарский был назван в числе публицистов, которые считали себя марксистами, но никогда не стояли твердо на позициях марксизма. На ступала диктатура, для которой человек был только исполнителем.

Луначарский часто писал портреты своих современников, но никогда у него не возникало желания написать о

обманывали не только Иру Луначарскую, как же можно от нее Иру, требовать большей проницательности, чем от партийного руководства, органов безопасности? На собрании курса меня отстоял: вместо исключения — строгий выговор. Но на факультетском собрании комитет обвинил мой курс в комсомольстве и оштрафовал на вынесение из комсомола. А кроме того, распустил курсовую комсомольскую организацию как «не отвечающую задачам». Обсуждение продолжалось семь часов и завершилось, к счастью, не только моим обморочком, но даже не строгим, а просто выговором. А в окончательной формулировке — «поставить на вид за неуменье выбирать знакомых». Сейчас звучит как анекдот, не так ли?

Да не судимы будете...

— Анатолия Васильевича упрекали в нравственной беспринципности, политическом вероломстве...

— А кое-кто даже сравнивает моего отца с гитлеровским пособником Розенбергом. За всем этим видится стремление на лжи и полтавках заработать себе какой-нибудь конъюнктурный капитал.

Безусловно, Луначарский — человек своего времени. Времена сложного, трагического. Конечно, и он не сел ответственности за многое из того, что тогда происходило. Но при этом нельзя не видеть чудовищных переключений — тотального отрывания всего нашего прошлого. Сегодня мы наблюдаем все ту же нетерпимость, проистекающую от недостатка общей культуры в обществе, что была прежде, ту же односторонность суждений, только с обратным знаком. Доколе, наконец, мы будем унижать себя, очередной раз впадая в грязь свою собственную историю? Нужен ли выплеск эмоций, а обобщенная правда, позволяющая выявить возможность влияния отдельных конкретных людей, и в частности Луначарского, на ход событий. Он никогда не был даже членом ЦК партии.

Как можно выводить сталинизм из «Основ позитивной эстетики» — работы, написанной в 1904 году и излагающей взгляды Луначарского, от которых он затем еще до революции публично откололся. В 1939 году А. Кривошеин в книге «Эстетические взгляды Луначарского» утверждает, что мы — после этих докладов — всю ночь мерзли на униках Ленинграда в ожидании первого 8-часового утреннего поезда...

Для многих из нас «сверхчеловеческая» жизнь Анатолия Васильевича была идеалом, мы хотели и хотим жить так же многогранно, красочно... потому нам так дорога память покойного, так дорого каждое слово о нем, о его жизни, о его работе.

Тов. Горький! Вы создали незабываемые портреты — Толстого, Чехова, Короленко, Есенина, Ленина, Красина и других, т. Луначарского. Вы знали прекрасно, были, наверное, очень близки к нему с давних пор. Мы просили бы Вас, т. Горький — создайте большой и яркий, художественный портрет А. В. Луначарского. Только Вы это можете сделать... только Вы можете сказать о нем больше и теплее слово».

Но большой и яркий портрет Луначарского создан не был. Горький на его смерть не откликнулся вообще.

— Скажите ли как-то на вашей судьбе тот факт, что вы — дочь Луначарского?

— Нашей семье повезло: в 1936—1938 гг. нас не репрессировали, хотя все вокруг да мы сами были уверены, что этого не избежать. Когда родители моего будущего мужа узнали, с кем им предстоит породниться, они были в отчаянии. Выбор сына считали самоубийственным.

Из-за болезни я не смогла окончить школу. После раффа поступала на исторический факультет Московского университета, но меня не приняли. Высшая у ректора причина: мама — интеллигентка, а я — дочь Луначарского.

Внешне Сталин относился к Анатолию Васильевичу благосклонно. Не раз отклонялся на личные просьбы. Позволял лечиться за границей у лучших врачей. Не препятствовал участию в философских конгрессах — в Англии, Германии. Но Луначарский не ушел из Сталина как яркий, самостоятельный мыслитель, личность. Еще в 1925 году, когда Луначарский вел кипучую деятельность по созданию новой культуры, Сталин писал о нем как об одном из «бывших вождей большевиков, отошедших потом на второстепенные роли». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Луначарский был назван в числе публицистов, которые считали себя марксистами, но никогда не стояли твердо на позициях марксизма. На ступала диктатура, для которой человек был только исполнителем.

Луначарский часто писал портреты своих современников, но никогда у него не возникало желания написать о

Сталине. Правду написать было нельзя, а лгать он не мог.

В 1931 году началась форменная травля Луначарского. В марте на заключительном заседании XV Всероссийского съезда Советов Молотов в отсутствие большинства Луначарского обвинил его в связях с Троцким и рекомендовал не избирать его в Центральный Исполнительный Комитет. Съезд создал комиссию для проверки обвинения Молотова, в составе которой были Киров и Орджоникидзе. Уже через день она откровенно выдвинула обвинения. Но мажорит раскучивался. На партийной чистке была предложена «общая проверка» его прежних работ, от которых он давно отказался, а все его творчество — полвека стало уником сплеханов.

Современники говорили, что Луначарский вовремя умер. Не дожил до почти неизбежной трагической развязки. Это был последний ленинский документ, хранящийся в архиве Горького и опубликованный исследователем творчества Луначарского П. А. Бугаенко в Саратов. В Москве он вряд ли бы появился. Это письмо учителя С. Степанова из Луны Горькому:

«Умер Анатолий Васильевич Луначарский... Если мы живем в великое время, то значит, что умер один из величайших умов современности человек, недостаточно оцененный нами... Имя... и умер слово в изгнании, где-то на юге Франции, забытый, одинокий. Его смерть достойна сожаления только блестящей статьей в «Известиях» и Кольцовым фельетоном, который читаешь с возмущением, переходящим в слезы...

Даже люди, близкие по расе А. В. Луначарскому (Крупская, Литвинов), не нашли больших и значительных слов памяти покойного. Зачем я это пишу? Имя Луначарского — нам, интеллигентной молодежи, работающей в глухих углах нашей страны, — необычайно дорого. Любимо. Знал ли А. В. Луначарский, что на его доклад в Ленинградской филармонии приезжали мы из деревенской глуши за 130—140 верст... Приезжали за тем, чтобы где-нибудь за час прослушать 3—4 часа незабываемый доклад, чтобы потом уходить полным высоким мыслями и чувствами, полным глубоким волнением и благодарности к этому сверхчеловеку...

Знал ли Анатолий Васильевич, что мы — после этих докладов — всю ночь мерзли на униках Ленинграда в ожидании первого 8-часового утреннего поезда...

Для многих из нас «сверхчеловеческая» жизнь Анатолия Васильевича была идеалом, мы хотели и хотим жить так же многогранно, красочно... потому нам так дорога память покойного, так дорого каждое слово о нем, о его жизни, о его работе.

Тов. Горький! Вы создали незабываемые портреты — Толстого, Чехова, Короленко, Есенина, Ленина, Красина и других, т. Луначарского. Вы знали прекрасно, были, наверное, очень близки к нему с давних пор. Мы просили бы Вас, т. Горький — создайте большой и яркий, художественный портрет А. В. Луначарского. Только Вы это можете сделать... только Вы можете сказать о нем больше и теплее слово».

Но большой и яркий портрет Луначарского создан не был. Горький на его смерть не откликнулся вообще.

— Скажите ли как-то на вашей судьбе тот факт, что вы — дочь Луначарского?

— Нашей семье повезло: в 1936—1938 гг. нас не репрессировали, хотя все вокруг да мы сами были уверены, что этого не избежать. Когда родители моего будущего мужа узнали, с кем им предстоит породниться, они были в отчаянии. Выбор сына считали самоубийственным.

Из-за болезни я не смогла окончить школу. После раффа поступала на исторический факультет Московского университета, но меня не приняли. Высшая у ректора причина: мама — интеллигентка, а я — дочь Луначарского.

Внешне Сталин относился к Анатолию Васильевичу благосклонно. Не раз отклонялся на личные просьбы. Позволял лечиться за границей у лучших врачей. Не препятствовал участию в философских конгрессах — в Англии, Германии. Но Луначарский не ушел из Сталина как яркий, самостоятельный мыслитель, личность. Еще в 1925 году, когда Луначарский вел кипучую деятельность по созданию новой культуры, Сталин писал о нем как об одном из «бывших вождей большевиков, отошедших потом на второстепенные роли». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Луначарский был назван в числе публицистов, которые считали себя марксистами, но никогда не стояли твердо на позициях марксизма. На ступала диктатура, для которой человек был только исполнителем.

Луначарский часто писал портреты своих современников, но никогда у него не возникало желания написать о

обманывали не только Иру Луначарскую, как же можно от нее Иру, требовать большей проницательности, чем от партийного руководства, органов безопасности?

На собрании курса меня отстоял: вместо исключения — строгий выговор. Но на факультетском собрании комитет обвинил мой курс в комсомольстве и оштрафовал на вынесение из комсомола. А кроме того, распустил курсовую комсомольскую организацию как «не отвечающую задачам». Обсуждение продолжалось семь часов и завершилось, к счастью, не только моим обморочком, но даже не строгим, а просто выговором. А в окончательной формулировке — «поставить на вид за неуменье выбирать знакомых». Сейчас звучит как анекдот, не так ли?

Да не судимы будете...

— Анатолия Васильевича упрекали в нравственной беспринципности, политическом вероломстве...

— А кое-кто даже сравнивает моего отца с гитлеровским пособником Розенбергом. За всем этим видится стремление на лжи и полтавках заработать себе какой-нибудь конъюнктурный капитал.

Безусловно, Луначарский — человек своего времени. Времена сложного, трагического. Конечно, и он не сел ответственности за многое из того, что тогда происходило. Но при этом нельзя не видеть чудовищных переключений — тотального отрывания всего нашего прошлого. Сегодня мы наблюдаем все ту же нетерпимость, проистекающую от недостатка общей культуры в обществе, что была прежде, ту же односторонность суждений, только с обратным знаком. Доколе, наконец, мы будем унижать себя, очередной раз впадая в грязь свою собственную историю? Нужен ли выплеск эмоций, а обобщенная правда, позволяющая выявить возможность влияния отдельных конкретных людей, и в частности Луначарского, на ход событий. Он никогда не был даже членом ЦК партии.

Как можно выводить сталинизм из «Основ позитивной эстетики» — работы, написанной в 1904 году и излагающей взгляды Луначарского, от которых он затем еще до революции публично откололся. В 1939 году А. Кривошеин в книге «Эстетические взгляды Луначарского» утверждает, что мы — после этих докладов — всю ночь мерзли на униках Ленинграда в ожидании первого 8-часового утреннего поезда...

Для многих из нас «сверхчеловеческая» жизнь Анатолия Васильевича была идеалом, мы хотели и хотим жить так же многогранно, красочно... потому нам так дорога память покойного, так дорого каждое слово о нем, о его жизни, о его работе.

Тов. Горький! Вы создали незабываемые портреты — Толстого, Чехова, Короленко, Есенина, Ленина, Красина и других, т. Луначарского. Вы знали прекрасно, были, наверное, очень близки к нему с давних пор. Мы просили бы Вас, т. Горький — создайте большой и яркий, художественный портрет А. В. Луначарского. Только Вы это можете сделать... только Вы можете сказать о нем больше и теплее слово».

Но большой и яркий портрет Луначарского создан не был. Горький на его смерть не откликнулся вообще.

— Скажите ли как-то на вашей судьбе тот факт, что вы — дочь Луначарского?

— Нашей семье повезло: в 1936—1938 гг. нас не репрессировали, хотя все вокруг да мы сами были уверены, что этого не избежать. Когда родители моего будущего мужа узнали, с кем им предстоит породниться, они были в отчаянии. Выбор сына считали самоубийственным.

Из-за болезни я не смогла окончить школу. После раффа поступала на исторический факультет Московского университета, но меня не приняли. Высшая у ректора причина: мама — интеллигентка, а я — дочь Луначарского.

Внешне Сталин относился к Анатолию Васильевичу благосклонно. Не раз отклонялся на личные просьбы. Позволял лечиться за границей у лучших врачей. Не препятствовал участию в философских конгрессах — в Англии, Германии. Но Луначарский не ушел из Сталина как яркий, самостоятельный мыслитель, личность. Еще в 1925 году, когда Луначарский вел кипучую деятельность по созданию новой культуры, Сталин писал о нем как об одном из «бывших вождей большевиков, отошедших потом на второстепенные роли». В «Кратком курсе истории ВКП(б)» Луначарский был назван в числе публицистов, которые считали себя марксистами, но никогда не стояли твердо на позициях марксизма. На ступала диктатура, для которой человек был только исполнителем.

Луначарский часто писал портреты своих современников, но никогда у него не возникало желания написать о